

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2017

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 8 (62) Том 8 - Собственность в средневековой Западной Европе (земля — власть — право). 2017

За пределами королевского домена: чем еще владела английская корона при первых Стюартах

Паламарчук А. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Фёдоров С. Е.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация

История «Великого контракта» — дискутировавшаяся, но так и не реализованной программы реформ финансового управления является показательным эпизодом в становлении британского варианта «нового государства». Этот специфический региональный вариант был, помимо прочего, связан с процессом отчуждения и последующей централизацией домениальных и прерогативных финансов короны и предусматривал постепенную ликвидацию остатков камеральной администрации, а также преобразование королевской службы в сугубо гражданский институт. Если при Тюдорах непосредственные доходы от домениальных земель и доходы от реализации прерогативных прав рассматривались как органически целостный комплекс, то предпринятая Стюартами попытка систематизации механизмов сбора и распределения вне-домениальных доходов повлекла за собой определенную автономизацию этой сферы. Дебаты о «Великом контракте» показали, что сфера вне-домениальных доходов может быть автономным предметом дискуссий и манипуляций, в которых не подвергалась сомнению легитимность самих монарших прав. Речь шла о постепенном разделении

доходов, получаемых от домениальных земель и «отчуждаемой» части — эксплуатации прерогативных прав. В статье предпринята попытка проанализировать два проекта предполагавшейся финансовой реформы, первый из которых предлагался Яковом I, а второй — государственным секретарем Робертом Сесилом и проанализировать причины провала «Великого контракта» в ходе парламентских дебатов.

Ключевые слова: «Великий контракт», «новое государство», королевские финансы, Казначейство, Роберт Сесил, Яков I Стюарт, Англия

Дата публикации: 15.09.2017

Источник финансирования:

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00108).

Ссылка для цитирования:

Паламарчук А. А. , Фёдоров С. Е. За пределами королевского домена: чем еще владела английская корона при первых Стюартах // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001896-4-1> (дата обращения: 27.12.2017). DOI: 10.18254/S0001896-4-1

¹ Историю «Великого контракта» — дискутировавшейся, но так и не реализованной программы реформ финансового управления — вполне логично рассматривать как показательный эпизод в становлении британского варианта «нового государства». Этот специфический региональный вариант был, помимо прочего, связан с процессом отчуждения и последующей централизацией домениальных и прерогативных финансов короны и как следствие предусматривал постепенную ликвидацию остатков камеральной администрации, а также преобразование королевской службы в сугубо гражданский институт.

² Формально развернувшаяся «за пределами королевского домена», история провала «Великого контракта» является иллюстративной в нескольких отношениях.

³ Восприятие монарха в качестве верховного «собственника»¹ всех земель королевства Англия (а при Стюартах — и Шотландии) продолжало определять видение и самим монархом, и его подданными всей системы прав и привилегий правящей династии. По сути, обладание землей (всего королевства и королевского домена как его части) одновременно легитимировало не только крайне разветвленную к XVII в. систему домениальных доходов, но и систему

прерогативных поступлений, представлявшую собой традиционные сеньориальные права, невысказанные вне феодального контекста.

4 Таким образом, вплоть до конца правления Тюдоров, которые, как известно, актуализировали повторно ряд патерналистски ориентированных институтов, непосредственные доходы от домениальных земель и доходы от реализации прерогативных прав рассматривались как органически целостный комплекс.

5 Предпринятая Стюартами попытка упорядочения и систематизации механизмов сбора и, что важнее, механизмов распределения вне-домениальных доходов повлекла за собой определенную автономизацию этой сферы (прежде всего в сознании задействованных участников процесса). Дебаты о «Великом контракте» показали, что сфера вне-домениальных доходов может быть *автономным* предметом дискуссий и манипуляций, в которых при этом не подвергалась сомнению легитимность самих монарших прав. Речь, однако, шла о постепенном разделении доходов, получаемых непосредственно от домениальных земель (с необходимостью включенных в концепт легитимного династического правления) и «отчуждаемой» части — эксплуатации прерогативных прав.

6 Заметим, что дальнейшим признаком разделения сфер доходов от королевского домена и доходов от эксплуатации прерогативных прав будет сама полемика о королевской прерогативе — ее сущности, пределах и механизмах институциональной реализации. При Тюдорах обозначенная юристами проблема прерогативы сохраняет более или менее умозрительный характер и дискутируется внутри профессионального сообщества². При Якове, а особенно при Карле I обсуждение прерогативы выходит на совершенно иной уровень интенсивности, детализируется и становится едва ли не основным предметом конституционной, а затем и политической полемики³. В контексте изучения проблем владения и собственности история несостоявшегося контракта показательна еще и с точки зрения восприятия обществом перечисленных выше процессов. *Форма и механизм репрезентации* объективных изменений оказываются в контексте становления *Etat moderne* фактором, не менее (а, возможно, и более) значимым, нежели их содержание.

7 В долгосрочной перспективе залогом успешного правления Якова Стюарта в Англии стало его исключительное умение избирать оптимальные в конкретных условиях формы диалога с подданными и институтами, которые одновременно являлись и оптимально приемлемыми формами контроля. Здесь Яков I, конечно, не был новатором: многие действия, предпринятые Стюартами после воцарения на английском престоле (а ранее отчасти опробованными в Шотландии), отчетливо напоминали шаги, почти на столетие раньше предпринимавшиеся первыми двумя Тюдорами, а затем повторенные

Елизаветой I. Речь идет, во-первых, о намерении короны установить контроль над имеющимися в ее распоряжении средствами (как материальными — земельным фондом и финансовыми доходами, так и инструментальными — упорядочение и фиксация юрисдикций и процедур работы прерогативных институтов). Этот процесс с большой степенью условности можно было уподобить своего рода «ревокации». Во-вторых, каждый раз необходимым было возобновление контракта монарха с обществом, которое, в свою очередь, было представлено корпорациями различного типа — от социoproфессиональных до территориальных объединений, самой крупной из которых была «английская нация»⁴.

8 Идея контракта, как известно, была одной из фундаментальных основ всего средневекового общества⁵. Вассально-сеньориальные отношения имели контрактный характер, основанный на соблюдении сеньором и вассалом ряда взаимных обязательств; помимо обоюдных выгод (земельного держания, военной службы за землю, справедливого суда, защиты, совета и так далее) такого рода контракт создавал основу социальных отношений.

9 Проистекавшие из феодального контракта узы верности, «добродетель постоянства», имели самостоятельную социальную ценность⁶, созидавая иерархически упорядоченную территориальную корпорацию, а ритуалы, сопровождавшие контракт, были важной частью коммуникации внутри общины. Контрактные отношения определяли статус и *vice versa* — наследуемый статус определял предсказуемый объем контрактных обязательств, теоретически дискутируемых, но в основе своей регулируемых традицией.

10 В период раннего Нового времени идея контракта остается в высшей степени востребованной, приобретая новые смыслы при сохранении традиционных основ. С одной стороны, идея контракта приобретает политико-религиозную окраску и становится важным компонентом дискуссий о верховной власти. Ярким примером служит характерная для европейских вариаций кальвинизма идея тираноборства, которое оправдывалось нарушением со стороны монарха обязательств перед своими подданными. Разрыв контракта с монархом-тираном виделся, однако, не как разрушение множества индивидуальных вассальных обязательств, а как прекращение договора между тираном и корпорацией его подданных⁷. Логическим финалом данного направления стала сформулированная уже в XVII в. концепция общественного договора Руссо. Как протестантские, так и католические теологи в XV и XVII вв. активно осмысливают моральные аспекты контракта с использованием такой категории, как справедливое соотношение взаимных обязательств и получаемых выгод⁸.

11 С другой стороны, развитие торговли и торгового права влекло за собой постепенное усложнение и детализацию контрактного права как области, не

связанной с феодальными обязательствами. В основе частного контракта лежала такая договоренность о вещах (re), которая должна была приносить взаимную выгоду; он являлся единовременным и не создавал устойчивых социальных связей. Принесение клятвы, ранее сопровождавшее заключение контрактов и считавшейся достаточным основанием для признания сделки действительной, все чаще заменяется письменной фиксацией обязательств. Происходит частичное переосмысление сущности контрактных отношений. Так, непосредственно перед воцарением Якова громкий резонанс в центральных лондонских судах приобрело дело Слейда, рассмотрение которого длилось с 1596 по 1602 гг.⁹ Решение, вынесенное в пользу истца судьей лордом Попэмом, предполагало, что любой контракт предполагает обещание, а его нарушение является умышленным обманом (в то время как согласно ранее применявшейся процедуре контракт рассматривался как состоявшееся, но частично завершенное действие).

12 Резюмируя метаморфозы представлений о контракте и контрактных практиках в раннее Новое время, можно выдвинуть следующее предположение: постепенно элиминируется сакральный, клятвенный характер контракта, уступая место представлениям о контракте-сделке, ориентированной на достижение ситуативной выгоды. Перенесение такой концепции контракта на сферу отношений между верховной властью и обществом неизбежно влекло за собой десакрализацию всей сферы этих отношений, а в более длительной перспективе — десакрализацию самой монаршей власти. Об окончательной десакрализации контракта между монархом и обществом можно говорить лишь относительно периода после 1660 г. В раннестюартовскую эпоху данная тенденция, справедливо усмотренная частью элиты в проекте Сесила, все еще внушала опасения, что и послужило одной из причин отторжения «Великого контракта».

13 Как уже было сказано выше, процесс формирования «нового государства» — в том числе и рассматриваемая история «Великого контракта» предполагал размежевание и последующую автономизацию двух составляющих королевских доходов — домениальной и внедомениальной. Институциональным фоном служили сложные процессы, затронувшие институт Казначейства: речь шла о все более заметном размежевании собственно финансовых структур ведомства и его судебной ипостаси (как и Канцелярия, Казначейство являлось судом равенства)¹⁰. Процессы внутреннего институционального размежевания, определения и перераспределения юрисдикций и сфер ответственности в целом, очевидно, были характерной чертой раннестюартовской эпохи. Домениальные доходы английской короны складывались благодаря эксплуатации той части земельных комплексов английской монархии, которая находилась в непосредственной собственности венценосной семьи и составляла так называемую титульную «крепость»

английского королевского дома. Сюда же входили, как правило, десятые и пятнадцатые от королевских земель в Англии, Уэльсе и Ирландии, а при Стюартах доходы от старого королевского домена в Шотландии, а также земельных комплексов на Гебридских и Шетлендских островах.

14 Формально финансовое управление этим значительным по объему земельным комплексом принадлежало Казначейству, куда поступали ограниченные таким образом денежные потоки. На самом же деле администрирование было разделено между различными финансовыми департаментами, составлявшими либо основные, либо промежуточные звенья единой финансовой системы английской монархии. При этом значительная часть денежных поступлений оседала в органах камеральной администрации, которые хотя и составляли часть центрального финансового механизма монархии, продолжали сохранять известную автономию, постоянно оспаривая право на расширение своей финансовой компетенции. Речь идет в первую очередь о камеральных казначеях, управлявших финансовыми поступлениями с земель, располагавшимися в 60-ти мильной зоне от королевских замков, охотничьих домов и прочей недвижимости королевской семьи в пределах самой Англии и Уэльса; затем о казначеях так называемых королевских депозитариев, управлявших и хранивших денежные поступления от шотландских владений теперь уже британской монархии, а также денежные средства, извлекаемые из островных комплексов, принадлежавших королевскому дому Стюартов.

15 Система прерогативных финансов английской короны складывалась благодаря наличию исключительных прав короны на поступления от традиционного права опеки над малолетними наследниками благородных семей и кланов, попечительства над вдовами и девицами, также принадлежавшими знатным семействам. Сюда же входили щитовые деньги, торговые и таможенные пошлины, доходы, извлекаемые из деятельности прерогативных судов, королевские импозиции, беневоленсы, а также различные скрытые (непрямые) поступления, главными из которых считались доходы, связанные с исключительным правом короны на закупку королевского провианта, а также его извоза.

16 Формально всеми прерогативными поступлениями короны управляло Казначейство. На деле же, как и в случае с домениальными доходами монархии, компетенции делились между органами камерального и условно — государственного финансового управления. В этом смысле единственными принадлежавшими исключительно ведению Казначейства финансовыми поступлениями оставались парламентские субсидии, а также десятые и пятнадцатые с земель, располагавшихся за пределами домениальных владений английской короны¹¹.

17 Понятно, что в условиях такого усложненного финансового управления доходами английской короны значительная часть денежных поступлений монархии находилась в непосредственном ведении государя. При этом сама финансовая система сохраняла в своей значительной части так называемые камеральные основы¹². Последствия такого положения дел сказывались на самом характере того, что с известными оговорками можно назвать институтом гражданской службы.

18 Сложности, которые вызывала сама система финансового регулирования, объяснялись не столько тем, что в Англии отсутствовала самостоятельно развивавшаяся система государственной бюрократии, сколько тем, что основанная на принципах непосредственной службы королю значительная часть судебно-административной системы королевства продолжала сохранять сеньориальный характер: большая часть условно «гражданских» служащих оставалась финансово зависимой от самого монарха и, следовательно, оставалась королевскими слугами.

19 В начале правления Якова I Стюарта была предпринята одна из попыток преобразовать автономную систему королевских финансов не только в централизованную, но и в известной степени подотчетную парламенту. Важным будет также оставаться момент, связанный с попыткой превращения института королевской службы в сугубо гражданский. В качестве примера будет использован тот материал, который будет касаться исключительно королевского двора и института придворной службы. Подобные ограничения продиктованы, прежде всего, тем, что при поздних Тюдорах и первых Стюартах двор превращается в центр принятия политических решений: именно от придворных тянулись все нити придворного патроната и клиентел, которые в последующем составят основы того, что принято считать государственными межведомственными связями, то есть самой системой государственного управления.

20 В начале XVII в. Хаусхолд как один из трех основных подразделений королевского двора сохранял черты структурных преобразований, осуществленных в 1471 и 1526 гг. соответственно, продолжая обеспечивать за счет личных средств монарха ежедневные коллективные трапезы для венценосной семьи и 70—80 придворных. Гофмаршальская контора, возглавляемая лордом-гофмаршалом¹³, осуществляла руководство этим подразделением и включала придворного казначея, гофмаршала, придворного распорядителя финансов и гофмейстера, в обязанности которых входила организация подобных трапез, а также повседневный контроль над деятельностью более двадцати субдепартаментов, обеспечивавших подобные коллективные застолья. Контора ведала также снабжением двора продовольствием и таким образом реализовывала преимущественное право короля на закупку продуктов питания по фиксированным и достаточно низким

ценам.

21 С момента своего возникновения Хаусхолд во многом функционально напоминал дворы английской знати, но был значительно больше, продолжая оставаться наиболее значительным, «важнейшим из всех домов Англии», как называли его ордонансы Эдуарда IV, или же «зеркальным отражением» всех вместе взятых дворов королевства, как утверждали регламенты Генриха VIII¹⁴. Подобно провинциальным дворам знати, тюдоровский Хаусхолд воплощал широко распространенные в средние века принципы гостеприимства¹⁵ и тем самым обеспечивал пространственно- и территориально необходимую связь между монархом и его подданными. Он уступал по размерам королевскому двору Франции, но в отличие от последнего, лишенного уже в XV в. практики даровых коллективных трапез, последовательно поддерживал многовековую традицию¹⁶.

22 Воцарение Стюартов на английском троне, как известно, сопровождалось настойчивым желанием новой династии модифицировать придворные устои, покоившиеся, как полагал Яков I, на «консерватизме» Тюдоров. Помимо прочих преобразований, новый монарх намеревался пересмотреть унаследованную от предшественников практику даровых коллективных трапез. При этом подобные трапезы сохраняли в его представлениях прежнюю консолидирующую монарха и его придворных функцию. Изменению должны были подвергнуться лишь механизмы, обеспечивающие их реализацию.

23 Очевидно, отдававший предпочтение континентальной традиции, Яков I намеревался уже осенью 1603 г. заменить практику соответствующих отчислений из личных средств монарха регулярными ежегодными дотациями из королевской казны в форме столовых денег для придворных, занимавших ординарные должности. Подобные отчисления должны были осуществляться звонкой монетой. Должностное лицо получало право свободно распоряжаться выплачиваемой ему суммой, покрывая необходимые расходы на ежедневное пребывание при дворе сообразно собственным желаниям и предпочтениям. Организованные таким образом дотации должны были со временем превратиться в своеобразную форму добавки к явно недотягивавшему до размеров континентального жалования придворных.

24 При этом практика, связанная с преимущественным правом короля на закупку продуктов питания по фиксированным низким ценам, оставалась неизменной: придворные, в конечном счете, оплачивавшие свои трапезы с королем за счет дотаций и далеко не по той цене, по которой закупались предназначенные для этого продукты, обеспечивали монарху удачно скрытый дополнительный доход.

25 Намеченные Яковом I изменения уже в 1604 г. активно дебатировались

в нижней палате парламента. Соглашаясь вотировать ежегодные отчисления для содержания должностных лиц при дворе, общины предлагали монарху отказаться от предпочтительного права на закупки продовольствия, предназначавшегося для королевской семьи и придворных, в пользу ежегодной парламентской субсидии, покрывавшей в том числе и подобные расходы. Общины уже давно обсуждали традиционные феодальные прерогативы английской короны и не раз высказывались за их отмену. В отношении «льгот» на закупку продовольствия их воодушевлял опыт ряда графств, которые добились еще от Эдуарда VI освобождения от этой, «столь обременительной повинности», заменив ее ежегодной денежной композицией¹⁷. Более того, практика продовольственных закупок по фиксировано низким ценам, распространявшаяся на территорию других графств, по мнению нижней палаты, продолжала нарушать предписания средневековых статутов, запрещавших торговлю по ценам, которые были ниже средних рыночных¹⁸. Очевидно, что сама перспектива сделать подобные композиции общеобязательными и объединить образующиеся в результате этого средства в одну из форм вотируемой субсидии виделась общинам наиболее желательной¹⁹.

26 Было бы ошибочным утверждать, что позиция нижней палаты полностью противоречила замыслу нового короля. В условиях финансового дефицита²⁰ Яков I, заинтересованный в упорядочивании его личных денежных поступлений, стремился превратить их, по меньшей мере, в достаточные и регулярные. В этом смысле практика ежегодных фиксированных дотаций решала важнейшую часть стоявшей перед короной задачи: субсидии гарантировали регулярность поступлений. Сомнения у Якова I могли возникать по поводу размера самих сумм, которые был в состоянии вотировать парламент. Члены нижней палаты, защищавшие интересы локальных сообществ, были недовольны даже расходами на содержание весьма скромного по размерам елизаветинского двора, считая их чрезмерными. При этом годовая сумма в 45 тысяч фунтов, как известно, максимальная для обеспечения ближайшего окружения монарха в конце XVI в., не покрывала затрат на закупку провианта по рыночным ценам для значительно превышавшего по размерам яковитского двора²¹.

27 Вероятность успешной сделки с парламентом осложнялась позицией Роберта Сесила — одного из ближайших сподвижников короля в финансовых преобразованиях. Сесил, также как и сам король, был убежден в необходимости преобразования финансовых механизмов двора, но в отличие от Якова I придерживался иного рода стратегии, полагая, что успех подобных преобразований будет во многом зависеть от увеличения «резервного» фонда английской короны и сокращения на этом фоне всех статей личных расходов монарха. Помимо этого, его планы простирались значительно глубже, чем исходная позиция короля: преобразование придворных финансов должно было

стать частью более обширных изменений во всей системе королевских финансов²². Яков I в случае удачного компромисса с парламентом рассчитывал на быстрый эффект. Сесил же осознавал реальность поэтапных уступок и затяжной характер переговоров с общинами.

28 Осенью 1604 г. по инициативе Сесила корона заявляет о продаже всех своих прав на сбор таможенных пошлин сроком на три года. В этом новом для английской монархии начинании²³ нижняя палата выступала главным посредником в определении списка возможных контрактантов и весьма удачно использовала открывшиеся перспективы для материализации своих собственных финансовых интересов. Как покажет время, контракция таможенных пошлин обеспечит короне стабильно возрастающие композиции, а многие члены нижней палаты получат ощутимую прибыль.

29 Расчет Сесила был достаточно прост: традиционная дилемма, стоявшая перед нижней палатой, в который раз должна была решиться определенным образом, а чаша весов склониться в пользу короля и в ущерб локальным сообществам, интересы которых общины, как известно, представляли. Ведомые таким образом парламентарии станут покладистыми, а исход дебатов будет предрешен. Возобновляемые каждые три года контракции на сбор таможенных пошлин, не только стали одним из наиболее успешных финансовых проектов Сесила, но и наряду с расширяющейся практикой композиций должны были обеспечить переход к следующему этапу финансовых преобразований, вошедших в историю под названием Великого контракта.

30 Внешний контроль над королевскими финансами, согласно контракту, передавался парламенту. Управление и внутренний контроль оставался за Казначейством. Вотируемые парламентом субсидии и дотации²⁴ составляли оперативный механизм такого контроля. Они должны были, с одной стороны, поэтапно погасить все долговые обязательства английской короны. С другой — надлежащим образом обеспечить жизнедеятельность королевской семьи и ее ближайшего окружения²⁵.

31 Помимо субсидий и дотаций, одним из основных источников денежных поступлений должна была стать уже опробованная к этому времени система контракций, позволявшая частным лицам на основе срочной аренды управлять финансовыми потоками, связанными с реализацией прерогативных прав английской короны. При этом нижняя палата получала не столько исключительное право определять персональный состав арендаторов, сколько сама превращалась в основного контрактанта.

32 В качестве компенсации за вотирование субсидий на содержание придворных должностей, проект предполагал поэтапную передачу контрактантам права на получение платежей от права королевской опеки²⁶, предусматривающую ежегодные денежные компенсации за отказ короля от его

реализации. Вопрос о замене других прерогатив фиксированными дотациями или композициями оставался открытым, но Сесил обещал расширить практику контракций, распространив ее действие на так называемые «новые» импозиции, а также прерогативы, связанные с существованием королевской домена. Предпочтительное право короля на продовольственные закупки с самого начала не попадало под действие контракций²⁷.

³³ Трудно судить о том, какие обстоятельства стали решающими в провале Великого контракта²⁸. Внешне предлагаемые Сесилом уступки были продуманы и, казалось бы, хорошо увязаны с потребностями того времени. Практика контракций таможенных пошлин удачно дополнялась перспективами передачи на откуп «новых» импозиций: открывающиеся в этой связи возможности распространяли действие финансового контроля парламента на всю систему внутренней и внешней торговли. Контроль над контракцией королевского права опеки был при всех скрытых условностях достаточно выгодным мероприятием, а концентрация финансовых потоков, связанных с управлением доходами от земель королевского домена навряд ли внушала подозрения общинам.

³⁴ Сомнительной видится и связь разногласий Сесила с общинами, обусловленная позицией короля, который, несмотря на видимые преимущества контракта, предпочел припираться с общинами по поводу размеров ежегодных субсидий, рассчитывая каждый раз на их увеличение.

³⁵ Возможной причиной возникшего конфликта могли стать принципы, определявшие саму природу такого соглашения. По своей форме предложенный Сесилом контракт предполагал не только взаимную заинтересованность, но и возмездность в отношениях обеих сторон. В этом смысле предлагаемая Сесилом схема была безупречной: в обмен за парламентскую субсидию корона соглашалась на отказ от определенных прерогативных прав. Проблема заключалась в том, что положенный в основу такого соглашения контрактный принцип не только вступал в известное противоречие с традиционным механизмом парламентских субсидий, но и превращал саму идею субсидирования в себе противоположную.

³⁶ С момента своего возникновения парламентские субсидии имели безвозмездный характер и представляли собой своеобразную форму дарения, которое «нация» через своих представителей осуществляла в пользу монархии. Изначально субсидии выделялись для покрытия «экстраординарных» расходов короны, связанных с ведением военных действий, затем практика использования была расширена до удовлетворения любых потребностей монарха, существо которых не противоречило «общему благу королевства». Размер субсидии мог колебаться в той ее части, которая определялась особенностями рыночной конъюнктуры, но ее «земельная»

составляющая оставалась неизменной.

37 Контракт, предложенный Сесилом, вносил в механизм парламентских субсидий ранее несвойственные этой практике элементы, превращая само соглашение в подобие сделки.

38 Направленный на увеличение фиксированных поступлений в королевскую казну, размеры которых значительно превышали доходы от реализации прерогативных прав короны, подобный контракт последовательно ориентировал нижнюю палату на отказ от хорошо известных, уходящих в предыдущее столетие исключительно контрибутивных решений английского парламента²⁹.

39 Выстраиваемая Сесилом схема была рассчитана на погашение 300 тысяч фунтов, составлявших долг английской короны на 1610 г., ликвидацию дефицита ее платежных средств (около 50 тысяч фунтов)³⁰, а также на восстановление из оставшейся суммы (250 тысяч) исчезнувшего в конце правления Елизаветы Тюдор резервного фонда³¹, способного покрыть дополнительные текущие расходы монарха с учетом их непредвиденного роста. Поскольку из этой суммы лишь только треть приходилась на стоимость отчуждаемых короной прерогативных прав³², желание общин превратить само соглашение в исключительно ретрибутивное могло быть вполне очевидным³³.

40 Так или иначе, но финансовая реформа двора не состоялась. Яков I, стремившийся взять реванш, отказался от критики «консерватизма» Тюдоров и стал настаивать на необходимости сохранения традиций. Практика даровых коллективных трапез осталась неизменной.

Примечания:

1. Для английской исторической и правовой мысли представления о монархе как верховном собственнике всех земель английского королевства была очевидна после завоевания Англии Вильгельмом в 1066 г. Речь шла, разумеется, не о праве собственности в классическом римском смысле, но о неограниченной возможности распоряжаться (жаловать земли и в равной степени отменять пожалование) территорией, приобретенной по праву меча. См. Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб, 2013; Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // Цепь времен. Проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. Р. 151—197.

2. McGlynn M. *The Royal Prerogative and the Learning in the Inns of Court*. Cambridge, 1996; Eppley D. *Defending Royal Supremacy and Discerning God's Will in Tudor England*. Burlington, 2007. Р. 61—143.

3. Smith D. C. *Edward Coke and the Reformation of the Laws. Religion, Politics and Jurisprudence, 1578—1616*. Cambridge, 2014. Р. 225—258; Knafla L. A. *Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere*. Cambridge, 1977; Haivry O. *John Selden and the Western Political Tradition*. Cambridge, 2017. Р. 160—163.

4. Паламарчук А. А. Идентичность национальная, идентичность корпоративная: английские юридические корпорации и полемика о композитарной монархии в раннестюартовской Англии // Этнос и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб, 2015. С. 179—199; Хачатурян Н. А. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // Этнос и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 20—37.

5. Хачатурян Н.А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008.

C. 31—45; *The Cambridge History of Medieval Political Thought*, c. 350—1450 / Ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1988. P. 515—519; Gierke O. F. *The Development of Political Theory* / Transl. by B. Freyd. New York, 1939; Hanson D. W. *From Kingdom to Commonwealth: the Development of Civic Consciousness in English Political Thought*. Cambridge (Mass.), 1970; Riley P. *How Coherent is the Social Contract Tradition?* // *Journal of the History of Ideas*. 1973. № 4. P. 543—562; Höpfl H., Thompson M. P. *The History of Contract as a Motif in Political Thought* // *American Historical Review*, 1979. Vol. 84. P. 919—944; Cervone T. *Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature*. Jefferson; London, 2011.

6. Так, в самом начале яковитского правления цивилист Томас Ридли, занимавшийся в том числе и вопросами торгового права, дает вполне традиционную формулу, где феодал определялся как «соглашение между двумя» и выводился им от “fides” — верность. См. Ridley Th. *A View of the Civile and Ecclesiastical Law*. London, 1607. P. 62.

7. Для Британских островов такое восприятие религиозно-политического контракта было свойственно шотландским кальвинистам — Джону Ноксу и Джорджу Бьюкенену, наставнику юного короля Якова VI Шотландского.

8. Decock W. *Theologians and the Contract Law: The Moral Transformation of the Jus Commune (ca. 1500—1650)*. Leiden, 2013. P. 541—544.

9. Суть тяжбы состояла в следующем: Джон Слейд, торговец зерном, продал некоему Морли за 16 фунтов пшеницу, которую предстояло собрать во время жатвы. После жатвы Морли не уплатил требуемую сумму и Слейд обратился в ассизный суд, где судья Королевской скамьи квалифицировал дело не как взыскание долга (единственный способ решения подобных дел в Средние века), а с использованием юридической фикции *assumpsit*, как если бы речь шла о нарушении данного обещания. Затем слушание перенесли в суд Казначейства — апелляционной инстанции по контрактным спорам, где Эдвард Кок представлял интересы Слейда, а Френсис Бэкон и антикварий Джон Доддридж — сторону Морли. См.: Coke E. *The Fourth Part of the Reports of Sir Edward Coke*. London, 1727. P. 92—96; Sacks D. H. *The Promise and the Contract in Early Modern England: Slade’s Case in Perspective* // *Rhetoric and Law in Early Modern Europe* / ed. by V. A. Kahn, L. Hutson. New Heaven, 2001. P. 28—54; Ibbetson D. *Sixteenth Century Contract Law: Slade’s Case in Context* // *Oxford Journal of Legal Studies* 1984. Vol. 4. № 3. P. 295—317.

10. Стоит отметить, что Казначейство и Канцелярия, во многом схожие в своей внутренней структуре и генезисе юрисдикций, в раннестюартовский период претерпевают сходные изменения — разделение административной (генетически связанной с управлением королевским хаузхолдом) и судебной сферы своей деятельности, и расширение собственно судебной юрисдикции. Подробно см.: Bryson W. H. *The Equity Side of the Exchequer. Its Jurisdiction, Administration, Procedures and Records*. Cambridge, 1975; Паламарчук А. А. *Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи*. СПб., 2015. С. 200—222.

11. Более подробно о финансовой системе раннестюартовской монархии см.: Cramsie J. *Kingship and Crown Finance Under James VI and I*. Royal Historical Society Publications. 2002. P. 13—40.

12. Федоров С. Е. “*Domus regis*” и “*familia regis*” в раннее Новое время // *Королевский двор в Англии XV—XVII вв.* / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2011. С. 27—47.

13. О структуре придворных департаментов: Федоров С. Е. *Стюартовские придворные (некоторые особенности самосознания и поведения общности)* // *Англия XVII в.: социoproфессиональные группы и общество* / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 11—20.

14. Starkey D. *The Age of Household*, c. 1350—1550 // *The Later Middle Ages* / ed. by S. Medcalf. London, 1981. P. 225; *Eltham Ordinances, 1526* // *A Collection of Ordinances and Regulations for the Royal Household*. London, 1790. P. 146.

15. Федоров С. Е. *Ius hospitii при провинциальных дворах раннестюартовской аристократии* // *Средние века*. Вып. 60. М., 1997. С. 399—408.

16. Solnon J.-F. *La Cour de France*. Paris, 1987. P. 21.

17. При Эдуарде VI право на композиции получили лишь несколько центральных графств. Елизавета, значительно расширив эту практику, распространила ее и на северные графства. Об этом подробнее: Woodworth A. *Purveyance for the Royal Household in the Reign of Queen Elizabeth* // *Transactions of the American Philosophical Society*. New ser. Vol. XXXV. Part I. 1945. P. 39—52.

18. Идея о незаконном характере этой прерогативы была, главным образом, связана с действиями самих закупщиков. Известно, что многие из них закупали продукты в большем количестве, чем того требовали реальные потребности двора, а затем реализовывали излишки, оставляя себе вырученные от продаж деньги. Страдали не только местные рынки, но и внутренняя торговля в целом: мелкие производители несли невосполнимые убытки. Нижняя палата утверждала о существовании 36 подобных статутов, значительная часть из которых к концу XVI в. либо уже вышла из употребления, либо «стерлась» в правовом сознании англичан. *Les Reportes del Cases in Camera Stellata* / ed. by W. P. Baildon London, 1894. P. 249; Lindquist E. *The Bills Against Purveyors* // *Parliamentary History*. Vol. 6. 1985. P. 35—43.

19. Подобные предложения поступали от общин достаточно регулярно в 1606 и 1610 гг. соответственно. Более подробно об этом: Seddon P. *Household Reforms in Reign of James I* // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. Vol. 53. 1980. P. 45—46; Croft P. *Parliament, Purveyance, and the City of London, 1589—1608* // *Parliamentary History*. Vol. 4. 1985. P. 12—13, 15; Lindquist E. *The King, the People and the House of Commons: the Problem of Early Jacobean Purveyance* // *Historical Journal*. Vol. 31. 1988. P. 557—559.

20. Ashton R. Deficit Finance in the Reign of James I // *Economic History Review*. Vol. X. № 1. 1957. P. 15—29.
21. Общие расходы яковитского хаусхолда в 1604 г. составили сумму в 100 тыс. фунтов, превысив более чем в два раза ежегодные расходы елизаветинского двора. Royal Historical Manuscript Commission. *Calendar of the Manuscripts of the Most Hon. the Marquises of Salisbury, Preserved at Hatfield House, Hertfordshire*. 18 vols. London, 1883—1940. Vol. XVI. P. 79; Lindquist E. *The King, the People and the House of Commons...* P. 560.
22. Cramsie J. Kingship and Crown Finance Under James VI and I. Royal Historical Society Publications. 2002. P. 89—117.
23. Продажа прав на сбор таможенных пошлин в отдельных графствах и портовых городах практиковалась и при Тюдорах, но такого масштаба, как при Стюартах, они никогда не достигала. Яков I, а затем и его наследники будут активно использовать эту практику для пополнения королевской казны.
24. Между парламентскими субсидиями и дотациями существовало определенное отличие. Собственно субсидии представляли собой форму нефиксированного налога, который взимался в размере каждый раз отдельно оговариваемого процента от общей стоимости движимого и недвижимого имущества. Десятые и пятнадцатые, определявшие структуру парламентских дотаций (грантов), являлись фиксированной формой налога, не превышавшего, как правило, 30 тысяч и 20 тысяч фунтов соответственно. Начиная с XVI в., парламент обычно вотирует две пятнадцатые наряду с субсидией.
25. «Потребности нашего короля сейчас таковы, что он рассчитывает на 200 тысяч фунтов годового дохода ...и дополнительные 600 тысяч фунтов с тем, чтобы покрыть его долги...». *Proceedings in Parliament, 1610* / ed. by E. Foster. 2 vols. New Haven, 1966. Vol. 2. P. 359.
26. Общая «стоимость» этого права составляла около 47 тысяч фунтов; при этом бремя платежей до его планируемой отмены распределялась крайне неравномерно между территориями, входившими в границы королевского домена и располагавшимися за его пределами.
27. Предложения Сесила изложены: *A Collection of Treatises of Robert Cecil* / ed. by P. Croft. Camden Society. 4th ser. Vol. 34. P. 278—280.
28. *Proceedings'...* Vol. 1. P. 140—143.
29. Aslop J. The Theory and Practice of Tudor Taxation // *English Historical Review*. Vol. 97. № 382. 1982. P. 1—30.
30. Общий доход Якова I к концу 1609 года составил 300 тысяч фунтов; при этом было израсходовано 350 тысяч фунтов. Калькуляции Сесила представлены: *British Library. Lansdowne MSS. 164. Fol. 389—390*.
31. Практика существования резервных фондов — так называемых депозитариев известна еще с конца XIV в.
32. *Report on the Manuscripts of the Marquess of Downshire Preserved at Easthampsted Park Berks*. 4 vols. London, 1924—1940. Vol. 2. P. 229. *Proceedings in Parliament, 1610...* Vol. 2. P. 168.
33. В пользу такого предположения говорит общая направленность парламентской дискуссии, где понятие «ретрибуции», впервые озвученное в речи У. Сэндиса, стало неотъемлемой частью реакции нижней палаты на предложения Сесила: *Parliamentary Debates in 1610* / ed. by S. Gardiner. Camden Society. London, 1862. *Passim*. (особенно: P. 22).

Библиография:

1. Паламарчук А. А., Федоров С. Е. *Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии*. СПб., 2013.
2. Паламарчук А. А. Идентичность национальная, идентичность корпоративная: английские юридические корпорации и полемика о композитарной монархии в раннестюартовской Англии // *Этносы и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время* / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 179—199.
3. Паламарчук А. А. *Гражданское право в раннестюартовской Англии: институты и идеи*. СПб., 2015.
4. Паламарчук А. А., Федоров С. Е. *Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии* // *Цепь времен. Проблемы*

- исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. Р. 151—197.
5. Федоров С. Е. “Domusregis” и “familiaregis” в раннее Новое время // Королевский двор в Англии XV—XVII вв. / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2011. С. 27—47.
 6. Федоров С. Е. Iushospitii при провинциальных дворах раннестюартовской аристократии // Средние века. Вып. 60. М., 1997. С. 399—408.
 7. Федоров С. Е. Стюартовские придворные (некоторые особенности самосознания и поведения общности) // Англия XVII в.: социoproфессиональные группы и общество / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 11—20.
 8. Хачатурян Н. А. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе // Этносы и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 20—37.
 9. Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 31—45.
 10. A Collection of Ordinances and Regulations for the Royal Household. London, 1790.
 11. A Collection of Treatises of Robert Cecil / ed. by P. Croft. Camden Society. 4th ser. Vol. 34.
 12. Ashton R. Deficit Finance in the Reign of James I // Economic History Review. Vol. X. № 1. 1957. P. 15—29.
 13. Aslop J. The Theory and Practice of Tudor Taxation // English Historical Review. Vol. 97. № 382. 1982. P. 1—30.
 14. Bryson W. H. The Equity Side of the Exchequer. Its Jurisdiction, Administration, Procedures and Records. Cambridge, 1975.
 15. Cervone T. Sworn Bonds in Tudor England: Oath, Vows and Covenants in Civil Life and Literature. Jefferson; London, 2011.
 16. Coke E. The Fourth Part of the Reports of Sir Edward Coke. London, 1727.
 17. Cramsie J. Kingship and Crown Finance Under James VI and I. Royal Historical Society Publications. 2002. P. 89—117.
 18. Croft P. Parliament, Purveyance, and the City of London, 1589—1608 // Parliamentary History. Vol. 4. 1985. P. 9—34.
 19. Decock W. Theologians and the Contract Law: The Moral Transformation of the Jus Commune (ca. 1500-1650). Leiden, 2013.
 20. Eppley D. Defending Royal Supremacy and Discerning God’s Will in Tudor England. Burlington, 2007. P. 61—143.
 21. Gierke O. F. The Development of Political Theory / transl. by B. Freyd. New York, 1939.
 22. Haivry O. John Selden and the Western Political Tradition. Cambridge, 2017.

23. Hanson D. W. *From Kingdom to Commonwealth: the Development of Civic Consciousness in English Political Thought*. Cambridge, 1970.
24. Höpfl H., Thompson M. P. *The History of Contract as a Motif in Political Thought* // *American Historical Review*, 1979. Vol. 84. P. 919—944.
25. Ibbetson D. *Sixteenth Century Contract law: Slade's Case in Context* // *Oxford Journal of Legal Studies* 1984. Vol. 4. № 3. P. 295—317.
26. Knafla L. A. *Law and Politics in Jacobean England. The Tracts of Lord Chancellor Ellesmere*. Cambridge, 1977.
27. *Les Reportes del Cases in Camera Stellata* / ed. by W. P. Baildon. London, 1894.
28. Lindquist E. *The Bills Against Purveyors* // *Parliamentary History*. Vol. 6. 1985. P. 35—43.
29. Lindquist E. *The King, the People and the House of Commons: the Problem of Early Jacobean Purveyance* // *Historical Journal*. Vol. 31. 1988. P. 549—570.
30. McGlynn M. *The Royal Prerogative and the Learning in the Inns of Court*. Cambridge, 1996.
31. *Parliamentary Debates in 1610* / ed. by S. Gardiner. Camden Society. London, 1862.
32. *Proceedings in Parliament, 1610* / ed. by E. Foster. In 2 vols. New Haven, 1966. Vol. 2.
33. *Report on the Manuscripts of the Marquess of Downshire Preserved at Easthampsted Park Berks*. In 4 vols. London, 1924—1940. Vol. 2.
34. Ridley Th. *A View of the Civile and Ecclesiastical Law*. London, 1607.
35. Riley P. *How Coherent is the Social Contract Tradition?* // *Journal of the History of Ideas*. 1973. № 4. P. 543—562.
36. *Royal Historical Manuscript Commission. Calendar of the Manuscripts of the Most Hon. the Marquises of Salisbury, Preserved at Hatfield House, Hertfordshire*. In 18 vols. London, 1883—1940.
37. Sacks D. H. *The Promise and the Contract in Early Modern England: Slade's Case in Perspective* // *Rhetoric and Law in Early Modern Europe* / ed. by V. A. Kahn, L. Hutson. New Heaven, 2001. P. 28—54.
38. Seddon P. *Household Reforms in Reign of James I* // *Bulletin of the Institute of Historical Research*. Vol. 53. 1980. P. 44—54.
39. Smith D. C. *Edward Coke and the Reformation of the Laws. Religion, Politics and Jurisprudence, 1578—1616*. Cambridge, 2014.
40. Solnon J.-F. *La Cour de France*. Paris, 1987.
41. Starkey D. *The Age of Household, c. 1350—1550* // *The Later Middle Ages* / ed. by S. Medcalf. London, 1981. P. 225—290.
42. *The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350—1450* / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1988.
43. Woodworth A. *Purveyance for the Royal Household in the Reign of Queen Elizabeth* // *Transactions of the American Philosophical Society*. Newser. Vol.

Outside the Royal Domain: What Else the English Crown Possessed Under the Early Stuarts

A. Palamarchuk

*Saint-Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg*

S. Fyodorov

*Saint-Petersburg State University
Russian Federation, St. Petersburg*

Abstract

The history of the “Great contract” — a program of financial and administrative reform that had been intensively discussed but never done is an indicative episode in formation of the unique British form of “Etat moderne”. Among other issues, this special regional variant was closely connected with the process of estrangement and subsequent centralization of domainial and prerogative finances of the Crown. It caused a gradual elimination of cameral administration and transformation of the royal service into exclusively civil institution. If under the Tudors both immediate revenue from the Royal lands and proceeds from the Crown’s prerogative rights were seen as an integral complex, then under the Stuarts, an attempt to systematize mechanisms of collection and distribution of non-domainial revenues caused their separation and consequent autonomy. Debates over “The Great Contract” demonstrated that the realm of non-domainial revenues might be a self-contained subject for public discussion or administrative manipulation but only while the legitimate rights of the English monarch were still untouched. It is referred to a gradual separation of the income earned within the Royal domain lands from “alienable” part of the royal revenue, i.e. exploitation of the Crown prerogative rights. The authors are trying to analyze two variants of the proposed financial reform. The first one was submitted by King James I himself; the next one by Robert Cecil, his secretary of State. The underlying reasons that led to the failure of the Great Contract are reconstructed. At the same time the very form of the Etat’s modern formation as well as mechanisms of its self-representation are perceived by the authors as even more important than the process on its own accord. During debates on “The Great Contract” the Parliament showed its commitment to traditionally medieval concept of “contract” (perceived as a free gift of the community of the realm to its supreme head).

Keywords: The Great contract, Etat moderne, royal finance, The Exchequer, Robert Cecil, James I Stuart, England

Publication date: 15.09.2017

Citation link:

Fyodorov S., Palamarchuk A. Outside the Royal Domain: What Else the English Crown Possessed Under the Early Stuarts // Istoriya. 2017. V. 8. Issue 8 (62) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://history.jes.su/s207987840001896-4-1> (circulation date: 27.12.2017). DOI: 10.18254/S0001896-4-1

Код пользователя: 1357; Дата выгрузки: 27.12.2017; URL - <http://history.jes.su/s207987840001896-4-1> Все права защищены.